

УДК 94(47). 084. 3; 94(47). 084. 5**ПРИЧИНЫ ДЕФОРМАЦИИ РЫНКА ТРУДА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ПЕРИОДА НЭП****С. В. БОГДАНОВ
М. И. КУЧЕРЕНКО***Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: dr. bogdanov_sv@mail.ru*

В статье анализируются особенности становления и функционирования рынка труда в период реализации новой экономической политики. Выявляются институциональные особенности и причины деформации этого социально-экономического института в советской России. Рассматривается динамика безработицы в стране.

Ключевые слова: безработица, рынок труда, биржи труда, Орграспредотдел ЦК

Переход России к рыночной экономике обусловил формирование специфического института регулирования спроса и предложения на такой товар как рабочая сила – рынка труда. Стремительный демонтаж плано-централизованной экономики усугубил спад промышленного производства и привел к значительному сокращению спроса на рабочую силу. Вчерашний дефицит трудовых ресурсов в одночасье сменился появлением безработицы – социально-экономического явления, при котором определенная часть трудоспособного населения не может найти себе работу.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что формирующийся с начала 1990-х гг. российский рынок труда в определенной степени как в кривом зеркале отражает многие изъяны, которые были характерны для этого института периода существования новой экономической политики. В этой связи изучение рынка труда 1920-х гг. через призму взаимоотношений: власть – безработица – общество является на наш взгляд вполне актуальным.

Кронштадтские события в начале 1921 г., антоновский мятеж на Тамбовщине, многочисленные крестьянские стихийные выступления явились красноречивым свидетельством не только губительности, но и опасности продолжения политики «военного коммунизма». X съезд РКП(б) в условиях острейшей внутрипартийной борьбы в марте 1921 г. принял политическое решение о переходе к новой экономической политике (нэп)¹.

НЭП означала допущение в экономическую сферу частника, иностранный капитал на правах концессии, существенный пересмотр всей политики в области труда и занятости населения, основ социального страхования, в том числе, и на случай безработицы.

Новая экономическая политика свидетельствовала о переходе от жестко централизованной экономики к рыночной, но с сохранением значительных регуляционных механизмов в руках у государства. Однако разрешение частного предпринимательства, допущение иностранного капитала означало возникновение принципиально иной ситуации в экономике и неизбежное возрождение рынка труда.

Основные регуляторы рынка труда – спрос и предложение рабочей силы постепенно вытесняли административно-принудительные меры регулирования рабочей силы, доказавшие свою жизнеспособность в условиях ожесточенного военного противостояния, но оказавшиеся совершенно неприемлемыми в период мирного строительства. Сохранение прежнего мобилизационного механизма регулирования рабочей силы было нецелесообразным в силу его низкой эффективности в условиях нового экономического курса и пересмотра всей политики труда и занятости.

Согласно сведениям наркома труда В. В. Шмидта, уже в ноябре 1921 г. только в 56 губерниях РСФСР и Украины насчитывалось около 420 тыс. безработных. При этом прогнозировалось увеличение количества безработных в городах за счет притока туда дополнительной рабочей силы из сельской местности².

¹ См.: Десятый съезд Российской Коммунистической партии: стенографический отчет (8-16 марта 1921 г.). М., 1921.

² Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 5. Д. 519. Л. 25.

Рост заработной платы в промышленности на протяжении второй половины 1921-начала 1922 гг. способствовал притоку рабочей силы на городской рынок труда. За короткий промежуток времени былой дефицит рабочей силы сменился ее избытком. Уже к августу 1921 г. количество вакантных рабочих мест вплотную приблизилось к числу ищущих работу. К концу осени 1921 г. и первым месяцам зимы 1922 г. началось неуклонное снижение потребности предприятий в дополнительных кадрах³.

По данным только 52 губернских городов, количество безработных в течение 1922 г. с 160 тыс. человек в начале года возросло до 641 тыс. человек к концу года⁴.

Система хозрасчета привела к тому, что промышленные предприятия были поставлены в условия, при которых излишний балласт рабочей силы способствовал снижению финансовых показателей и уменьшал заработную плату квалифицированным работникам и административному аппарату. Заработная плата каждого работника теперь напрямую зависела от двух факторов: эффективности производства и количества работников. Естественно, такая ситуация в определенной степени стимулировала промышленные предприятия к росту производительности труда, совершенствованию производства, но она и не могла не вызвать процесса «выталкивания» из производственных коллективов малоквалифицированных рабочих, женщин, молодежь, как правило, не имевшую практического опыта.

К началу 1923 г. в советской России без работы уже оказалось 625 тыс. человек, среди них 30% служащих, 19% чернорабочих, 12% квалифицированных рабочих. На каждые 100 человек, оказавшихся без работы, в среднем приходилось только 29 рабочих мест. Период безработицы в среднем составил около трех месяцев⁵.

Насущным встал вопрос о возрождении бирж труда, ликвидированных Советским правительством в начале 1919 г. Совет Труда и Обороны своим постановлением от 13 июля 1923 г. утвердил положение о биржах труда. В их функции входила регистрация безработных, содействие в трудоустройстве, оказание им материальной помощи⁶.

НЭП серьезно обострил ситуацию с безработицей в стране. Замедленные темпы роста промышленного производства вызвали постоянно растущую безработицу. «В 1923 году количество безработных, как сообщалось, достигло миллиона. Но официальные сведения отражают лишь положение членов профсоюзов и тех, кто был зарегистрирован на биржах труда и получал скудные пособия по безработице. Статистика не учитывала неквалифицированных рабочих, особенно бывших крестьян, которые искали случайных заработков в городах, главным образом в строительной промышленности. Если нэп спас крестьянина от катастрофы, – делает вывод авторитетный английский историк Э. Карр, – то он же поставил промышленность и рынок труда на грань хаоса»⁷.

Согласно расчетам Госплана СССР, в 1923 г. число селян, вышедших на рынок труда городов страны в поисках работы, составило 18% от всего количества ищущих работу, в 1924 г. наблюдалось незначительное увеличение всего на один пункт, в 1925/26 г. – 34%, в 1926/27 г. – 23%, в 1927/28 г. – 24%⁸.

Постоянное увеличение числа безработных серьезно обострило ситуацию с выплатой пособия по безработице. Делегация британских профсоюзов, побывавшая в Москве в 1924 г., в своем докладе сообщала, что из-за острой нехватки финансов на нужды социального обеспечения только 15-20% безработных получали регулярное пособие⁹.

Проблема дефицита средств для выплаты пособий по безработице стала практически повсеместным явлением. Так, «Курская правда» в октябре 1926 г. писала: «В 1-ом полугодии в фонде помощи безработным было 1160 руб. Сумма эта составила, главным образом, из остатков от прошлогодних поступлений. Новых поступлений за полгода было

³ ГАРФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 421. Л. 261; Ф. 5451. Оп. 6. Д. 308. Л. 54.

⁴ Ледяев Д. Безработица в СССР и борьба с ней (1917-1927 гг.) // Вопросы труда. 1927. № 10. С. 109.

⁵ Заславский И. Занятость и рынок труда при нэпе // Социалистический труд. 1989. №10. С. 89.

⁶ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 7. Д. 325. Л. 55.

⁷ Карр Э. Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917-1929. М., 1990. С. 63.

⁸ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 26. Д. 182. Л. 44.

⁹ Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Том 1 и 2. Большевицкая революция. 1917-1923. М., 1990. С. 754.

только 619 руб. Во второй половине года фонд безработных будет значительно больше. За первые три месяца второго полугодия в этот фонд уже поступило 740 руб. »¹⁰.

И, тем не менее, получение статуса безработного в крупных городах было довольно привлекательным, т. к. влекло за собой наличие ряда льгот: коммунальные платежи, поездки в городском транспорте, квартплата, уменьшение налоговых удержаний. Это обстоятельство способствовало притоку на биржи труда значительного количества граждан, не изъявлявших действительного желания получить работу. Так, на учете бирж труда страны к 1 января 1924 г. уже числилось 1240 тыс. человек, что практически в два раза было больше, нежели на 1 января 1923 г. ¹¹

Таким образом, с момента отхода политического режима от политики «военного коммунизма» и перехода к новому экономическому курсу безработица стала постоянным фактом советской действительности.

Однако рынок труда периода нэпа оказался во многом гипертрофирован не только собственно многоукладным характером экономики, но и целым комплексом субъективных обстоятельств, предопределенных доктринальными установками большевиков:

1) отношение к безработице партийно-хозяйственного номенклатурного аппарата не как к органическому следствию существования рыночных отношений, санкционированных самой же партией большевиков, а как «наследию прошлого», «случайному» явлению;

2) отказ со стороны государства от мобилизационно-принудительных способов регулирования трудовых ресурсов наложил на слабость механизмов противодействия безработице экономическими методами, что фактически способствовало неуклонному росту данного явления на протяжении всего периода существования нэпа. Слабость экономических мер, как правило, компенсировалась, усилением административных;

3) политика «недопущения» частного в значительное количество экономических сфер и отраслей народного хозяйства существенно ограничивала созидательный потенциал предпринимательства, в том числе и в плане создания дополнительных рабочих мест – реального способа противодействия безработице. Само же занятие частным предпринимательством со второй половины 1920-х гг. с точки зрения социально-экономических условий функционирования было крайне нестабильным;

4) создание фактически «тепличных» условий для партийной номенклатуры в плане защищенности от угрозы безработицы. Сам же принцип номенклатурного подбора и расстановки руководящих кадров, довольно часто совершенно не способных обеспечить эффективное управление, приводил к снижению эффективности производства и продуктивной занятости трудовых ресурсов.

В чем же выразилась двойственность политики большевиков в отношении безработицы в 1920-е годы?

Сохранение «ножниц цен» между промышленной продукцией и сельскохозяйственной являлось неизбежным следствием как политики большевиков, связанной с реконструкцией промышленности, так и попыткой сохранения и расширения социальной опоры в лице рабочего класса. В стране, где подавляющее большинство населения проживало в деревнях, и было связано с сельским хозяйством, политика «ножниц цен» неизбежно вела к выталкиванию из сельской местности рабочей силы, которая искала себе больших заработков в городах. Правящая партия неоднократно указывала на данное обстоятельство.

На XV Всесоюзной конференции ВКП(б) (26 октября-3 ноября 1926 г.) было констатировано «наличие значительных кадров безработных, несмотря на рост промышленности и на вовлечение в государственную промышленность в течение последнего года свыше 400 тыс. новых рабочих»¹².

Так, «Курская правда» от 22 июля 1926 г. в подборке статей под рубрикой «На бирже труда» писала: «Безработица в городе неуклонно растет. В мае было 3722 безра-

¹⁰ Курская правда. 1926. 22 октября.

¹¹ Ледяев Д. Указ. соч. С. 109.

¹² Пятнадцатая конференция ВКП(б). Москва 26 октября – 3 ноября 1926 г. / КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3. С. 381.

ботных, в июне эта цифра повысилась до 4152, а на 1 июля зарегистрировано биржей труда уже 5012 человек»¹³.

Постоянное увеличение рядов безработных, снижение авторитета господствующей партии, которая в глазах простого обывателя была не способна «навести порядок в стране», заставлял государственные органы использовать быстрые и эффективные, на их взгляд, меры. С 1923 г. стали практиковаться постоянные чистки картотек безработных на биржах труда страны. По итогам этих мероприятий количество безработных, состоявших на учете, уменьшалось иногда на половину. Например, после проверки Царицынской биржи труда инспектирующими специалистами НКТ одновременно с учета было снято 1815 человек, которые, как было сказано в заключении проверяющих, «действительными безработными не являются»¹⁴. Однако эти мероприятия были направлены на борьбу не с причинами, а со следствием такого явления как безработица.

Одним из факторов, серьезно ограничивавшим формирование полноценного рынка труда в 1920-е гг., явилась политика партии большевиков по отношению к предпринимательству. X съезд партии, вынужденный принять новую экономическую политику, дал определенную свободу экономической деятельности предприятиям и частным лицам. Только с октября по декабрь 1921 г. частниками было выбрано 185 тыс. патентов, в первом полугодии 1922 г. – около 450 тыс. и во втором полугодии – 522 тыс. патентов¹⁵.

В первой половине 1920-х гг. частный капитал занял довольно прочные позиции в торговле. Так, в деревенской розничной торговле частный капитал составлял 83%, тогда как кооперативный – 10, а государственный – 7%. В городах частный капитал получил меньше распространения, хотя оперировал там несравненно большими суммами. В целом по стране он составлял в оптово-розничной торговле 50,4%¹⁶.

Масштабное «обуржуазивание» страны не могло не беспокоить правящую партию. ЦК РКП(б) в письме губкомам и обкомам в 1922 г. отмечал: «Рост капиталистических отношений как в городе, так и в деревне, укрепление частной торговли, дифференциация крестьянства и т. д. ставят нас перед лицом опасности усиленного воздействия буржуазной и мелкобуржуазной идеологии на рабочие и крестьянские массы и перед попытками использования этих масс как орудия капиталистической реставрации»¹⁷. Стремление к сохранению «идеологической чистоты» со стороны большевистского руководства серьезно деформировало рынок труда на протяжении всего периода существования НЭПа.

Неблагоприятные условия, в которые было поставлено предпринимательство в период НЭПа, также негативно сказывались на формировании полноценного рынка труда. Политика государственных органов в отношении нэпманов со второй половины 1920-х гг. характеризовалась все большим давлением и созданием препятствий для этого социального слоя. Между тем, влияние, которое частные предприниматели оказывали не только на горожан, но на общество в целом, было огромным. Нэпманы постоянно втягивали в орбиту предпринимательской деятельности членов других социальных групп.

Высшая партийно-государственная номенклатура в нэпманах видела исключительно «антисоциалистический элемент», не желая обращать внимание на тот непреложный факт, что предпринимателями было создано значительное количество рабочих мест. Для бюджетов многих малых городов и сельских населенных пунктов налоговые платежи нэпманов являлись основным источником их существования и развития.

Непоследовательная, но все же поощрительная политика большевистского правительства в отношении мелких хозяйчиков в первой половине 1920-х гг., сменилась на комплекс мер их ограничения и вытеснения в конце 1920-х гг. Неустойчивость предпринимательства в советской России была predeterminedена изначально враждебным отношением партии большевиков к частной собственности, занятости в несоциалистическом секторе экономики. Рецидивы «военного коммунизма» вначале робко давали о себе

¹³ Курская правда. 1926. 22 июля.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 382. Оп. 4. Д. 1154. Л. 145.

¹⁵ Крон Ц. М. Частная торговля в СССР. М., 1926. С. 10.

¹⁶ Тринадцатый съезд РКП(б): стенографический отчет. М., 1924. С. 404.

¹⁷ Цит. по: Вестник МГУ. Серия 9. История. 1976. № 4. С. 5.

знать, а затем они опять стали системообразующим принципом государственной политики занятости населения, проводимой сталинским руководством.

Утвердившийся в начале 1920-х гг. номенклатурный принцип подбора и расстановки руководящих кадров имел и еще одну сторону, о которой высшее партийное руководство предпочитало хранить молчание для рядовых членов партии, тем более для беспартийных. А именно – защиту партийных функционеров различного уровня от угрозы безработицы. В условиях нарастающей безработицы, конкуренции рабочей силы, коммунисты проигрывали в квалификации и опыте беспартийным работникам. Промышленность начинала развиваться «не по-коммунистически», не по решениям и резолюциям съездов.

Так, еще в самом начале 1921 г. согласно постановлению ЦК РКП(б), принятому в связи с докладом комиссии по проверке правильности использования коммунистов в хозорганах ВСНХ, и в связи с массовой демобилизацией из Красной Армии, для уменьшения безработицы среди коммунистов, партийными органами предлагалось в те или иные учреждения и предприятия определенное количество коммунистов.

Наркоматам постоянно шли напоминания, вплоть до конкретных циркуляров и указаний от партийных органов на предмет «бережного и внимательного отношения к пролетарским кадрам». Например, анализ безработных коммунистов по Москве в 1926 г. показал, что из 1469 безработных 1022 лишились работы в результате сокращения штатов, реорганизации аппарата управления¹⁸.

Другие руководители учреждений, хозяйственные руководители, не желая навлекать на себя партийный гнев, нередко создавали для них фиктивные должности, лишённые реального содержания работы, часто «выдвигали» подобных работников с одной только целью – избавиться от «активного бездельника».

В условиях безработицы коммунисты не особенно волновались о потере работы. Рядовые коммунисты, в основной своей массе, распределялись не через биржи труда, а губкомы, райкомы и укомы партии. Среди коммунистов прочно утвердилось мнение – партийное распределение есть средство получения работы, хотя бы и путем административного нажима на руководителей учреждений.

Справочные сведения из многих регионов страны в 1926 г. показывали, что причинами безработицы среди коммунистов являлись слабая их квалификация, чаще всего – отсутствие какой-либо квалификации или образования вообще. На совещаниях Орграспредотдела констатировалось, что «люди пришли в партию, а делать ничего не умеют»¹⁹.

В сельскохозяйственных районах безработными являлись, главным образом, батраки и бедняки. Находясь в селах на различных выборных должностях, после очередных выборов, где давление райкома ослабевало, их не избирали на новый срок. Для этих людей, совершенно не способных к хозяйственной трудовой деятельности, служба являлась основным источником существования. Лишь у некоторых из них имелись небольшие посеи, или хозяйства. Подобные работники жили за счет имущих, выдавая им за взятки, угощения, необходимые справки и разрешения. Уездные и сельские ответственные работники, пользуясь своим положением, применяли и наемную силу в своем хозяйстве.

Вчерашние безлошадные крестьяне, не способные работать в деревне на выборных должностях, как потерявшие авторитет, но не желавшие идти на рядовую работу, пополняли ряды безработных в городе. Не имея никакой квалификации, но уже развращенные властью, они претендовали только на руководящие роли. Причем дело настолько прочно вошло в практику, что в случае отправления их на биржу труда местным партийным комитетом, они шли с апелляцией в вышестоящие партийные инстанции, вплоть до ЦК с жалобой на местные парторганы. Так, практика подыскивания работы для коммунистов ставила их в более привилегированное положение, по сравнению с беспартийными.

Партийные и государственные органы на протяжении всего периода существования нэпа неоднократно объявляли борьбу с «кумовством», «протекционизмом» при трудоустройстве на работу, продвижении по службе. Между тем, практически повсеместно

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 67. Д. 242. Л. 18.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 352. Л. 54, 57, 58, 50, 61, 63; Оп. 69. Д. 140. Л. 30.

сами партийные, государственные, правоохранительные органы необоснованно вмешивались в работу бирж труда, рассматривая их как орган «всеобщего собеса», для оказания помощи абсолютно всем «социально-обездоленным и социально-исправляемым элементам»²⁰. Но при этом, члены партии пользовались безусловным приоритетом при направлении на работу.

Методы устройства на работу были различными. На Кубани созывали совещания хозяйственников при партийных комитетах, вызовы отдельных руководителей учреждений для разрешения вопросов о возможности использования безработных коммунистов. В Грозном окружком постановил: обязать заведующих биржей труда посылать коммунистов-безработных на работу в первую очередь. Но здесь возникали другие трудности. Работники биржи, желая поострее направить коммунистов на работу, обманным путем приписывали члену партии, в присутствии других безработных, не ту профессию, которой тот обладал. Поэтому, побыв на работе 5-6 месяцев, коммуниста, «осваивавшего дело, но не освоившего его», отправляли вновь на биржу, и все начиналось сначала.

Донской окружком напрямую занимался функциями биржи труда. В Воронеже, Смоленске поступали значительно проще – губком распределял коммунистов путем расписывания по отдельным учреждениям коммунистов в порядке разверстки²¹.

Значительная часть коммунистов быстро освоились со своим «господствующим положением в обществе». Нередко они смотрели на биржу труда как на лишнюю инстанцию, т. к. как считали райком коммунистической биржей труда. В этом отношении их притязания мало чем отличались от притязаний партийной господствующей элиты. «Дай работу, я – коммунист», требовали они, при этом ссылались на циркуляр № 85 о распределении коммунистов, отлично зная все его положения. Среди значительной части коммунистов появилась новая тенденция – страсть к переездам. Она объяснялась тем, что по положению данного циркуляра, вновь прибывшему коммунисту подыскивалась не только работа, но и выдавались деньги на переезд, подъемные, по мере возможности обеспечивались жилищем.

«Странствующие коммунисты», «коммунисты на колесах» называли подобных гастролеров в Орграспредотделе ЦК, но вновь и вновь выдавали путевки. Изо дня в день они сидели в приемной, постоянно жалуясь на неразумное их использование на местах и требуя более ответственной работы. А на местах провалившегося работника в нескольких областях работы, вновь возвращали в Москву, превращая Орграспредотдел ЦК, как говорили сами сотрудники в «свалочное место», «центральную свалку», «партийную свалку», «проходной двор»²².

Давая обобщающую оценку деятельности Орграспредотдела ЦК С. В. Косиор на XV съезде партии говорил, что Орграспредотдел является «...до известной степени не только органом, подбирающим кадры работников, но и отдушиной, «своего рода биржей труда для некоторых групп работников»²³.

Орграспредотдел был настолько завален огромным количеством записок, звонков относительно устройства на работу (из райкомов, Секретариата, «отдельных товарищей»), а наплыв становился настолько огромным, это в ЦК всерьез предлагали из приемной убрать женщину-секретаря, заменив его мужчиной, так как «...робких очень мало, все неробкие и все идут».

Впрочем, надо ли говорить о рядовых коммунистах, шедших проторенным путем, когда высшее партийное руководство уже с 1920 г. буквально было задавлено звонками, письмами, записочками с просьбой устроить на работу того или иного человека. Записочки «с ком. приветом», или просто «приветом», рекомендации по телефону «свой паренёк», «парень, что надо», служили лучшей гарантией устройства на работу.

Массовый поток записок шел, например, к Г. К. Орджоникидзе с просьбой не только собственного назначения на руководящую работу в Москве, иные крупные города, но и своих друзей, членов их семей²⁴. Вот характерное письмо К. Ворошилова к Г. Ор-

²⁰ ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 24. Д. 113. Л. 71.

²¹ Известия ЦК ВКП(б). 1927. № 30-31. С. 1; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 444. Л. 19; Оп. 69. Д. 139. Л. 52.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 373. Л. 31; Оп. 69. Л. 374; Д. 140. Л. 91, 97.

²³ XV съезд ВКП(б): стенографический отчет. М. -Л., 1928. С. 114.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 16. Д. 100. Л. 1, 4, 5, 10, 11; Оп. 24. Д. 261. Л. 1.

джоникидзе с просьбой устроить на работу доктора-хирурга. Он хороший парень и «отличный хирург ... отрежет тебе все, что надо. Но хочет жить в Тбилиси, а жене нужен университет»²⁵.

Обобщая подобную практику устройства на работу, помощник заведующего Орграспредотдела ЦК Чужин говорил: «Значительное количество запросов из провинции идет за счет элементов личной связи, протекционизма и поощрения тяги в Москву, которая существует в провинции»²⁶.

Сколько людей из-за подобного «радения» оставались без работы и средств к существованию, вызывая непонимание, а нередко и ненависть к коммунистам. Вот что писал Л. Лобов в письме к тому же Орджоникидзе, прослуживший 6 лет в Красной Армии и демобилизованный пом. ком. взвода. «... Куда ни кинься, везде говорят, что ты не партиец. Когда голодный и холодный воевал, тогда везде допускали, а теперь завоевали, и нет допуска и некуда жаловаться...»²⁷.

Такие люди не путешествовали по стране за казенный счет, а соглашались на любую работу, лишь бы иметь средства к существованию. На одном из совещаний Секретариата ЦК, состоявшемся в феврале 1927 г., один из секретарей райкомов с горечью говорил, что в условиях безработицы беспартийные должны были «раболепствовать, склоняться перед руководителями, чтобы их не уволили»²⁸.

Право на первоочередное получение коммунистами работы, несмотря на существовавшую критику, сохранялось в партии на протяжении всех 1920-х гг. Так, в проекте резолюции по итогам проверки постановки распределения партсил на местах от 18 января 1927 г. В. Молотов высказался против четкой формулировки о распределении коммунистов через биржи труда, так как это грубо, предлагая заменить на формулировку «на общих основаниях», «на условиях членства профсоюзов»²⁹.

Таким образом, угроза безработицы была не столь страшной для определенных социальных групп, не взирая в большинстве своем на их низкую квалификацию и образовательный уровень. Партийно-хозяйственная номенклатура оказалась поставленной как бы вне границ действия стихийных рыночных сил и колебаний рынка труда.

5 декабря 1929 г. в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях по ее ослаблению»³⁰. Появление постановления ЦК ВКП(б), специально посвященного состоянию безработицы в стране, было весьма симптоматично. Да и сам тон, и стилистика этого партийного документа во многом были отличными от предшествующих. Виновные в существовании безработицы были названы – биржи труда и сами безработные, добровольно не желающие трудиться.

Считая безработицу явлением во многом искусственным, советское руководство не желало видеть базисных причин ее существования. Взяв курс, на индустриализацию, к тому же постоянно подхлестывая ее контрольные цифры к завышению, партийное руководство нуждалось в огромных трудовых ресурсах. В этих условиях безработица все больше превращалась для партийной элиты в искусственный анахронизм.

Те силы, в высшем партийно-государственном руководстве СССР, которые выступали за необходимость дальнейшего продолжения политики НЭПа, оказались в одиночестве. Новый нарком труда А. М. Цихон, сменивший на этом посту Н. А. Угланова, обвиненного в правом уклоне, повторял вслед за И. В. Сталиным, что безработицы в стране фактически нет.

В конце лета – начале осени 1930 г. усиливается отход от экономических методов регулирования безработицы в сторону административно-политических. Биржи труда подлежали реорганизации в службы по плановому распределению рабочей силы, а выплаты пособий по безработице прекращались.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 85. Оп. 16. Д. 100. Л. 1, 4, 5, 10, 11; Оп. 25. Д. 93. Л. 1.

²⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 136. Л. 144.

²⁷ Там же. Ф. 85. Оп. 25. Д. 667. Л. 1.

²⁸ Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 2815. Л. 23.

²⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 69. Д. 140. Л. 100.

³⁰ Постановление ЦК ВКП(б) О росте кадров рабочего класса, состоянии безработицы и мероприятиях по ее ослаблению. 5 декабря 1929 г. // Правда. 1929. 5 декабря.

С началом форсированной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства был осуществлен переход от государственно-рыночной экономики к тотально огосударственной. Командно-административная экономическая модель отбросила спрос и предложение на рабочую силу как регуляторы рынка труда; в затратно-экстенсивной экономике спрос на рабочую силу всегда существовал, причем в значительных масштабах. В таких условиях больше не оставалось причин для воспроизводства безработицы. Основными механизмами функционирования советского рынка рабочей силы вплоть до конца 1980-х гг. стали жесткие директивные задания, план.

CAUSES OF STRAIN THE LABOR MARKET IN SOVIET RUSSIA NEP PERIOD

S. V. BOGDANOV

M. I. KUCHERENKO

*Belgorod National
Research University*

*e-mail: dr. bog-
danov_sv@mail.ru*

The paper analyzes the features of formation and functioning of the labor market during the implementation of the New Economic Policy. Identified institutional characteristics and causes deformation of the socio-economic institution in Soviet Russia. The dynamics of unemployment in the country.

Key words: unemployment, labor market, labor market, labor exchanges, Orgraspredotdel of Central Committee of Bolshevik Party.